

Тело и его потребности как социокультурная проблема

Речь в статье идет о том, как с течением времени и изменением исторической и культурной ситуации меняется отношение к различным проявлениям телесности и к потребностям тела: правильное питание, естественные надобности, необходимость контроля над собой и боль как индикатор присутствия в бытии являются предметом рассмотрения.

Ключевые слова: тело, социокультурная проблематика, правильное питание, контроль над собой, боль

Tatyana V. Sholomova

The body and its needs as social and cultural problem

The article is devoted to how with the passage of time and changing historical and cultural situation is changing attitudes to the various manifestations of physicality and to the needs of the body, nutrition, natural needs, the need for self control and as an indicator of the presence of pain in being the subject of consideration.

Keywords: body, social and cultural problems, eutrophy, selfcontrol, pain

В разные эпохи человек по-разному понимает и описывает свою телесность. Но, даже если он понимает и описывает ее резко отрицательно, пытается избавиться от тела или закрыть на какие-то его потребности глаза, они все равно дают о себе знать, берут верх, влияют на культурные нормы и общественные процессы, даже если сами люди этого не замечают или предпочитают не знать. О том, как и почему это происходит, пойдет речь в данной статье.

Культура питания. Становление правил застольного поведения было моментом становления европейского светского этикета как такового. При этом вхождение в обиход столового прибора в его современном виде (как видно из запрета на пользование ножом при поедании рыбы, прибор этот формировался вовсе не из соображений удобства¹) никак не связано с идеями правильного питания. Сервировка и развитие гастрономии связаны с обжорством: Людовик XIV отличался патологическим аппетитом, и эта его индивидуальная особенность наложила отпечаток на поведение всего Двора. Постоянное жевание – вовсе не примета нашего времени, намертво соединившего кино с попкорном: герцогиня Беррийская ела до обморока и непрерывно что-то жевала, смотря шедшую два часа комедию².

Одновременно, несмотря на то, что единственные законодатели мод во Франции – придворные – безостановочно едят, среди этих беспрестанно жующих параллельно начинает формироваться новое представление, согласно которому к обжорству склонен нижестоящий социальный слой (уже мольеровский Тартюф подвергнут критике за то, что ест за четверых). Тогда

же активному осмеянию начинают подвергать буржуа за их манеру обращения с пищей, в которой обнаруживается неучтивость и нездоровая склонность к экономии (например, в «Мещанском романе» Фюрестьера ухажер Жавотты, чистя грушу, уронил ее. Поднял, поскоблил, подул и подал любимой со словами, что теперь все так делают, тысяча извинений³).

Если в высших кругах переизбыток начали подвергать осуждению как особенность более низкого социального слоя, то в общем и целом процесс демократизации питания шел впоследствии как расширение круга продуктов, доступных низшим социальным слоям (на самом деле, это был процесс наращивания удовольствий: еда становилась все разнообразнее и вкуснее). Во второй половине XIX в. именно улучшение качества питания вместе с развитием личной гигиены привело к улучшению здоровья, увеличению размеров тела и продолжительности жизни⁴, т. е. «демократизация питания» сыграла положительную социальную роль.

Искусственная пища как социальный проект. Именно в области питания мы можем наблюдать результаты сознательно реализованного специально разработанного проекта. В середине XX в. много носились (в том числе в Советском Союзе) с созданием искусственного белка (из нефти, например, о чем писали в фантастических романах⁵ или из «вторичных продовольственных ресурсов и новых источников», как думали ученые⁶, – например, предполагалось, что к 2000 г. начнется промышленное выращивание водорослей⁷) с целью накормить как можно больше голодных, потому что идея была такая, что, раз есте-

ственных продуктов мало, надо создать их искусственно.

Сегодня проблема искусственной пищи стала постоянным предметом обсуждения в СМИ. Современные дети вкусу натуральной клубники предпочитают искусственную, потому что искусственный вкус более выразителен. Насаждаются экзотические моральные проблемы, например, кормить ли ребенка натуральным мясом или сосиской (документальный фильм «Сколько мяса в колбасе» из цикла «Среда обитания», реж. Н. Кузнецова, С. Курзанов. Первый канал, 2010).

Представление о том, что когда-то люди питались «лучше» и исключительно здоровой пищей, является таким же заблуждением, как представления о том, что раньше нравы были тверже или что эстетический вкус был более развит. Историк Треветьян замечает, что, когда детям в Новое время подавали для питья легкое пиво, это было для них здоровее, несмотря на алкоголизацию подрастающего поколения, чем пить сырую воду, которая тогда была единственной альтернативой⁸. Известно, что до определенного исторического момента пиво пили все, от мала до велика, от рождения до могилы, и особенно его рекомендовали кормящим матерям⁹, потому что знали, что от сырой воды можно умереть, а от пива – нет. Первые североамериканские поселенцы высадились на скалах в опасном Плимут Роке, потому что на корабле заканчивался запас пива, и первым делом они воздвигли пивоварню¹⁰.

Освоение колоний и употребление колониальных товаров отчасти способствовали снижению уровня пьянства, так как на смену алкогольным напиткам пришли чай, кофе, какао, лимонад, ставшие доступными всем слоям населения¹¹. Так что питание до определенного исторического момента действительно улучшалось – пока, одержимое заботой о страждущих, «прогрессивное человечество» не поставило себе задачу осчастливить всех и решить проблему нехватки продуктов питания в мировом масштабе искусственным путем. Причем задача эта виделась как исключительно благородная. В упомянутом романе «Купол надежды» есть такой эпизод: невестка Аэлита (одна из тех ученых, кто ищет пути преодоления голода) угощает свекровь Клеопатру шашлыком из искусственной баранины. Свекровь ест и хвалит, но, когда узнает, что структура мяса сделана на ткацком станке, а вкус и запах – в лаборатории вкуса и запаха, начинается скандал.

В некотором роде мы все оказались в положении Клеопатры: искусственный белок изобрели, искусственные продукты изготови-

ли, нас накормили и только потом поставили в известность. Когда оказалось, что продуктами, предназначенными для благодетельствуемых, кормят благодетелей, – начался скандал, и тема «некачественных продуктов» (или «всякой дряни», как выражаются в быту) заняла свое достойное место среди прочих многочисленных забот, которыми заполняет свою повседневность наш современник. Но протестующие отказываются видеть в свершившемся воплощение мечты, социального идеала отцов или дедов. Этот идеал подвергся искажениям и внедрился вовсе не в том виде, в котором замышлялся, но это именно он.

Пищей из искусственного белка предполагалось кормить голодных, и в этом видели высокую цель, на которую не стыдно было работать советскому ученому и благородному человеку. Но искусственно созданные продукты неожиданно оказались на столах у самих предполагаемых подателей блага. Продуктов стало много, и это привело не к тому, что голодные из «третьего мира» наконец-то наелись, а к тому, что обитатели «первого мира» стали гораздо больше выбрасывать¹². Мечта, чтобы «всего было вдоволь», как оказалось, оборотной стороной имеет необходимость излишки этого «вдоволь» выбрасывать, и этот процесс дополнительно подвергается бесморальному осмыслению и осуждается как безнравственный («зажравшиеся США выбрасывают 40% продуктов питания»¹³; в России выбрасывают практически столько же¹⁴). И это – одна из существенных характеристик современности, потому что о времени «можно судить не по тому, что производится, а по тому, что выбрасывается. Это гораздо более четкий показатель достатка, избытка и нужд поколения»¹⁵.

Туалет. Современные правила поведения складывались как все время разрастающийся запрет на обнаруживание естественных потребностей тела. Если до определенного исторического момента мальчик в ответ на вопрос учителя: «Что ты делал сегодня утром?» перечислял вообще все совершенные действия (цитата из Матурина Кордые, 1568 г.)¹⁶, то со временем люди не только перестали прилюдно отправлять естественные надобности, но и говорить обо всем этом (подробно см. в книге Н. Элиаса¹⁷).

Постепенно оформившийся запрет привел к значительному ограничению свободы поведения – теперь приходится предпринимать специальные усилия, чтобы скрыться в нужный момент с чужих глаз. Признаки решения новой образовавшейся проблемы (куда скрыться) обозначились только в середине XIX в. в Англии во время Всемирной выставки 1851 г. Представленные на выставке «плоды прогресса» заслужива-

ют отдельного разговора, ведь именно тогда впервые в подробностях четко прорисовались будущие контуры нашей нынешней цивилизации, начиная от построенного архитектором Пакстоном Хрустального дворца («Crystal Palace»), минуя чудесный паровой молот, столь легко управляемый, что им можно было ковать броню линкора и бить яйца, а также красные и зеленые jellies, составившие впоследствии славу английской кухни – и заканчивая впервые представленным господином Швепсом лимонадом с хиной¹⁸.

Главным плодом прогресса и знаком новой приближающейся эпохи стал первый общественный туалет, представленный изумленной публике, не знакомой ни с чем подобным. Противники нововведения настаивали на том, что посетители выставки будут думать о высоком, и поэтому туалет не нужен; а сторонники – что как раз никакие низменные заботы не должны отвлекать посетителей от наслаждения плодами прогресса, и поэтому туалет просто необходим¹⁹. Идея «Хрустального дворца», отозвавшаяся потом в русской культуре, в произведениях Ф. М. Достоевского (как символ «человеческого муравейника») и Н. Г. Чернышевского (как символ грядущего социального равенства), содержала в себе и зародыш нового понимания человеческой свободы как свободы от низменных потребностей тела, основанной не на том, чтобы изо всех сил их подавить, а на том, что окружающую действительность можно организовать так, чтобы и вовсе о них не думать.

Возможно, главным признаком сохраняющегося неравенства полов было то, что мужской общественный туалет функционировал в Лондоне с 1852 г., а женский открылся только в 1884 г. при чайном магазине²⁰. В чайные магазины леди полюбили ходить без прислуги, чтобы спокойно посплетничать за чашкой чая с пирожным, отдыхая после трудного шопинга. Из чего следует, что нам никуда не уйти от благотворного влияния общества потребления: чем больше женщины ходили по магазинам, тем активнее они осваивали прежде закрытые для них городские улицы. Чем больше они расширяли свое пространство, тем очевиднее вставала перед ними проблема, как бы сделать так, чтобы можно было безболезненно удаляться от дома на любое расстояние. Ее решило как раз открытие общественного туалета, который, может быть, сделал для эмансипации больше, чем сама мысль о возможном равенстве полов, ибо помог обеспечить ее на практике. В действительности же с отголосками данной проблемы, уже не всегда понятными, мы сталкиваемся по сей

день, хотя они становятся все более локальны и все более экзотичны: так, в фильме Р. Скотта «Солдат Джейн» (1997) главная героиня сетует, что ее не взяли служить на подводную лодку на том основании, что на подводной лодке не предусмотрены дамские уборные.

Сегодня ситуация такова, что наличие/отсутствие отхожего места стало цивилизационным разделяющим признаком: неразвитые, погибающие в нищете страны отличаются от высокоразвитых и богатых еще и тем, что у большинства населения нет туалета. В 2006 г. ООН опубликовала доклад «По ту сторону нищеты – власть, нищета и глобальный водный кризис». Впервые в центре подобного рода докладов оказалась проблема катастрофического отсутствия домашних туалетов и общественных уборных в развивающемся мире. Эту тему как «неприличную» обсуждать не принято, между тем «человеческая цена этого табу неслыханная. Каждый год более двух миллионов детей умирают от дизентерии и других болезней, вызванных антисанитарными условиями»²¹. При этом развивающиеся страны, как водится, готовы раскошелиться на какое угодно оружие, но не на улучшение санитарных условий для собственного населения.

Кроме того, канализационная сеть вызывает несколько странные, но, пожалуй, оправданные ассоциации у современных западных интеллектуалов. Так французский социолог Ж. Эллюль, давая в свое время интервью по поводу только появляющегося и набирающего силу Интернета, в ответ на восторги журналистки («разве это не чудо, мсье, каждый человек, каждое жилище, каждая обособленная личность будут связаны единой и общей сетью – не кажется ли вам, что это нечто невообразимое?») ответил: «Простите, мадам, но нет, не кажется. Мы давно уже связаны одной общей сетью – канализационной»²².

Контроль над собой. Перемены, произошедшие в Викторианскую эпоху, были еще одним решительным шагом по направлению к современной цивилизации с ее стремлением как бы избавиться от тела. Развитие техники ведет к истончению и даже изъятию тела из процесса действия (как было замечено, сегодня от тела остаются «только пальцы», которыми мы «набираем смыслы» на клавиатуре компьютера²³). Но тело не остается в долгу, не дает о себе забыть, сознательно или бессознательно изобретая предназначенные для напоминания практики, например требования «контроля над собой».

Сегодня хитом является показателем способности контролировать свою личность в целом, а не только тело: «Трудно ждать чего-то

путного от человека, не способного следить за своей фигурой»²⁴.

Борьба с лишним весом при помощи диет сочетается с физическими упражнениями и употреблением большого количества косметических средств, т. е. современное отношение к еде является частью сложного комплекса отношения к собственной индивидуальности в целом. Борьба за худобу становится своеобразным замещением традиционных религиозных ценностей: аскетизма и умерщвления плоти, «Нового Евангелия», приходящего на смену традиционной религии, трактующего ожирение как грех, толстых – как отверженных, и топ-моделей – как избранных; «подобно всем религиозным культурам, красота имеет собственную систему привлечения неофитов (реклама косметических средств), свои священные тексты (методики похудения), свои периоды поста (диеты), своих гуру (Джейн Фонда), свои групповые ритуалы (Weight Watchers), свою веру в воскресение (омолаживающие кремы), своих ангелов (косметические товары) и своих спасителей (врачи, занимающиеся пластической хирургией)»²⁵.

Феминистки давно рассматривают требования уделять настойчивое внимание своей красоте (включая диету) как новую форму эксплуатации, современный способ контролировать поведение женщин²⁶. Данное предположение не столь нелогично, если учесть современные идеи об «истаивании» тела, которое даже в процессе производства задействовано уже не все, а только пальцы, бегающие по клавиатуре. Требования следить за собой могут рассматриваться как один из способов сохранить твердую память о наличии тела, в наличии которого человек все меньше нуждается.

Самым неприятным последствием чрезмерного увлечения голоданием еще недавно казались несколько умерших одна за другой от истощения топ-моделей. Но гораздо более серьезный удар нанесло появление и стремительная карьера сербского манекенщика Андрея Пежича, которого называют «самым ярким представителем *femiman* – новой волны моделей, которые с одинаковым успехом демонстрируют как мужскую, так и женскую одежду»²⁷. Этот молодой человек традиционной сексуальной ориентации представляет собой нечто вроде нового идеала человеческой красоты: стандарты женского тела настолько приблизились к мужским, что, в общем-то, уже все равно, существо какого пола демонстрирует женскую одежду на подиуме.

Когда читаешь глянцево-журнальные труды, трудно не согласиться с феминистками, что справедливые требования следить за собой превратились

в новое орудие социального порабощения, ибо даже советы, как без хлопот собраться в недалекую дорогу, превращаются в памятник абсурда²⁸. Весь этот ряд указаний, как максимально облегчить себе путешествие, граничил бы с откровенным издевательством, если бы не меткое замечание о чудесном зеркальце, избавляющем от необходимости посещать туалет. Интересно, что вся глянцево-журнальная привязанность к телу и его ложным потребностям действительно оказывается в противоречии с теорией и практикой эмансипации женщин, не только потому, что придумывает и заставляет заботиться о целом десятке искусственно созданных потребностей и при этом делает вид, что эта «предусмотрительность» позволит проигнорировать всего одну реально существующую, причем именно ту, которая как раз способствовала утверждению эмансипационных идей.

Современное тело и боль. Отношение к физической боли также имеет свою историю. Первым делом, конечно, приходит мысль о христианском мученичестве и мучениках, вообще о самой идее умертвить тело, чтобы спасти душу. Сопоставление античного («статуарно выставляющего себя напоказ») и ветхозаветного («восчувствованного изнутри») восприятия тела принадлежит С. Аверинцеву²⁹; такое понимание тела и «чуткость к его вибрациям» были пережиты христианством. Поэтому, конечно, нельзя сказать, что в христианстве тела нет. Оно, безусловно есть, но оно – страдающее, а не любящее себя собой (тут же пишет он о «накоплении нравственного опыта в условиях несвободы») – отдельная проблема, которую тоже можно рассмотреть с точки зрения телесности.

Во всяком случае, прежде чем современный мир дошел до представления о боли как о чем-то таком, что является абсолютным злом и что надо немедленно прекратить (благо развитие медицины и фармакологии это позволяет), боль обладала какой-то особой ценностью и занимала свое место в истории человеческой жизни, во всяком случае, раз с ней были вынуждены жить, ее были вынуждены наделять какими-то смыслами. Например, **религиозным**. Примеры есть у Ж. ле Гоффа и Н. Трюона: до определенного момента в культуре отсутствовал интерес к страданиям тела, потому что Бог, изгоняя Адама и Еву из рая, ему предрек добывать хлеб в поте лица, а ей – в муках рожать детей. В соответствии с чем уделом мужчины становился труд (*labor*), а уделом женщины – страдания (*dolor*); раз боль назначена женщине, мужчина должен ею пренебрегать. Изменения в отношении к боли начались с XII в, когда ее начали превозносить и ценить³¹.

Боль как неизбежность и необходимость. Элиас, описывая средневековые жестокости и зверства завоевателей³², объясняет их архаичным, но вполне рациональным решением проблемы. Что делать с побежденным врагом, если его уже нельзя угнать в рабство? Нужно сделать так, чтобы враг не мог быстро прийти в себя и нанести тебе ответный урон, т. е. изувечить. До сих пор описанное Н. В. Гоголем в «Тарасе Бульбе» поведение козаков ставит в тупик добродетельных учителей литературы, вынужденных как-то пытаться в своих объяснениях совместить одно с другим, героизм с жестокостью: «Пожары охватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. <...> Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у выпущенных на свободу, – словом, крупную монетою отплачивали козаки прежние долги»³³. А ведь они ничего особенного не делают, а просто следуют средневековому обычаю, причем далеко не бессмысленному.

Гоголь описывает войну козаков с поляками как своего рода «обмен болью»: сначала козаки в пылу завоевания никого не милуют; потом, захваченные в плен, сами оказываются вынуждены перенести мучения (тут уж стоит задача перенести их мужественно, как Остап). Подробности казни Гоголь опустил, чтоб пощадить читателя, но реакцию средневекового обывателя обоих полов и разных возрастов, включая наукообразные разъяснения некоего юноши коханке Юзысе, заботливо сохранил³⁴. Элиас указывает, что у средневековых людей был иной порог чувствительности, приводит пример с бедными кошками, муки которых доставляли удовольствие парижанам³⁵.

Кроме того, до начала Нового времени систематически, а потом – от случая к случаю правосудие прибегало к причинению боли. Показания, данные под пыткой, казались наиболее надежными. У. Эко в «Имени розы» приводит рассуждение Вильгельма о пытках (вероятно, как и многое другое в этом романе, оно позаимствовано у кого-то из средневековых авторов): «Одна вещь на свете возбуждает животных сильнее, чем наслаждение. И это боль. Под пыткой ты как бы во власти одуряющих трав. Все, о чем ты слышал или читал, оживает в памяти, и ты будто переносишься душой – если не в рай, то в ад. Под пыткой ты скажешь не только все, чего хочет следователь, но еще и все, что, по-твоему, могло бы доставить ему удовольствие. Ибо между вами

устанавливается связь, и эта-то связь, думаю, действительно дьявольская»³⁶.

Но современность, помимо соображений о том, так ли нужна была пытка, поставила вопрос и о том, как можно было ее перенести? Историк Е. В. Анисимов специально рассматривал его на материале XVIII в.³⁷ Он сослался на книгу Я. Канторовича, который считал, что «нравственное возбуждение было столь сильно, что заглушало физическую боль»³⁸ (что сопоставимо с написанным у Эко – боль возбуждает и необыкновенно активизирует память и воображение). Анисимов также приводит свидетельства из документов, как лечили перенесших пытку³⁹, иногда для того только, чтобы розыск продолжить, потому что, хотя палач мог и убить человека с нескольких ударов кнута, смысл пытки был не в убийстве, а в том, чтобы пытаемый дал показания, поэтому пытали так, чтобы не убить раньше времени⁴⁰.

Боль как часть жизни. Казнь Дамьена (покушавшегося на короля Людовика XV), процедура которой полностью повторяла казнь Растиньяка (убийцы короля Генриха IV), произвела на потомков такое впечатление, что ее по сей день продолжают описывать и осмыслять как некий чрезвычайно важный этап в истории Европы (именно с описания казни Дамьена начинается «Надзирать и наказывать» М. Фуко⁴¹). Фуко делает вывод, что правосудие меняется в сторону гуманности, руководствуясь тем идеалом, что жизнь преступного подданного надо отнимать, не истязая его тело. Как известно, эта великая идея и породила гильотину как орудие казни, минимизирующее соприкосновение государственной машины наказания с телом наказываемого.

Но другие авторы в связи с казнью Дамьена обращают внимание на прочие стороны данной истории, уже не столь очевидные для нашего современника, живущего в век обезболивания. То, что его пытали перед смертью, никого не удивило и не вызвало сочувствия среди современников, не столько потому, что пытку рассматривали как способ запугивания других потенциальных убийц, сколько потому, что иначе воспринимали боль: «Переносить ужасную боль рано или поздно случалось каждому. Обезболивающих средств не существовало, и свои жестокие манипуляции и примитивные операции врачи выполняли на пациентах, находящихся в полном сознании. Кардинал Дюбуа... во время операции, от которой на другой день скончался, мучился не меньше, чем Дамьен на эшафоте; но по ее завершении его страдания не прекратились. Женщины жестоко мучились во время родов. Раковые больные тоже до самой смерти были вынуждены переносить жуткие боли»⁴²

(Анне Австрийской, умершей от рака груди, рану прижигали негашеной известью⁴³). Сами методы лечения тогда состояли не в утолении боли, а в увеличении страданий: кровопускания, клизма и рвотные средства⁴⁴ – этими средствами лечили вообще все болезни, вплоть до оспы; хирургические операции производили без обезболивания. Одну из таких (причем резать пришлось несколько раз) перенес Людовик XIV⁴⁵ (да и вообще, если почитать про то, как королю нечаянно вырвали кусок нёба, как делали прижигания, чтобы избежать некроза кости и т. д., призадумайтесь: ведь речь идет о короле! – а к нему врачи были ничуть не менее жестоки, чем палачи к казнимому преступнику). Немудрено, что Петр I, когда пришел его час, отказался от операции и умер потом от гангрены.

Здесь, конечно, главного внимания заслуживает вот какая проблема: мучились перед смертью все или почти все, вне зависимости своей вины перед законом, но эти мучения никто не рассматривал как искупление земных грехов – все равно следовало исповедаться и причаститься св. тайн. Проблема такого рода (избавляют ли посюсторонние страдания от потусторонних) вызрела в культуре гораздо позднее, и крайней точкой ее развития на сегодняшний день является вопрос об эвтаназии (один из ее предусмотренных видов – досрочное прекращение ненужных мучений). Такая разновидность эвтаназии означает, что боль окончательно перестала считаться частью жизни и понимается сегодня как ненужная помеха, которую любой ценой следует устранить, а если устранить нельзя, то следует ликвидировать само ставшее мучительным (т. е. утратившее свою ценность) существование.

На самом деле, боль – индикатор нашего присутствия в бытии, который, по мере развития цивилизации, перестает быть таковым. Но, чтобы напомнить нам об этом, опять нужен Р. Скотт: в упомянутом уже фильме «Солдат Джейн» Чиф говорит подопечным курсантам: «Если тебе больно, значит, ты еще жив!» То, что мы теперь не рассматриваем боль как индикатор присутствия в мире, а рассматриваем ее как безусловное зло, которое следует немедленно пресекать, должно свидетельствовать о том, что наше тело теперь будет искать новый индикатор, который займет место боли. Но мы о нем пока еще ничего не знаем.

Об **этическом смысле боли** писал Ф. Ницше в «Генеалогии морали», показав, что в основе мнемотехники лежало причинение боли, при помощи которого в сознании наших далеких предков закрепляли те или иные моральные правила⁴⁶. Сейчас такой педагогический прием

относится к числу негуманных и нежелательных (хотя он долго присутствовал среди методов педагогического воздействия: например, эпизод из биографии Б. Челлини, который увидел на углях камина сидящую ящерицу, и, прежде чем мальчик успел понять, в чем дело, отец ударил его – чтобы ребенок на всю жизнь запомнил, что видел саламандру). Даже не буду напоминать о «Царствии небесном» того же Р. Скотта, где отец дает юноше пощечину, чтобы тот крепче помнил рыцарскую клятву.

И тут мы подходим к такой проблеме, как **эстетический смысл физической боли**. Еще Г. Ф. Э. Лессинг заметил, что она практически невоспроизводима силами искусства, в том смысле, что изобразить-то ее можно, но вот того сочувствия, которое проявляет зритель к душевным терзаниям героя, к физическим его же страданиям мы не добьемся. Потому что всякий, как бы примеряя боль на себя, желает ее прекратить, и мучения сценических персонажей вызывают раздражение зрителя – и только. Его пример единственно удачного изображения боли на сцене древнегреческого театра – «Филоктет» Софокла, который состоялся как трагедия только потому, что великий трагедиограф, предупреждая нежелательную зрительскую реакцию, дополнил физические терзания душевными. Лессинг писал также о том, что древнеримская трагедия, в отличие от греческой, не состоялась, и объясняет это распространением гладиаторских боев и тем, что зрелище реальной смерти вытеснило из сознания людей способность реагировать на художественное ее изображение⁴⁷. Но точно так же они постоянно наблюдают чужие страдания и мучения – истязания первых христиан были одним из зрелищ и забав.

Потом, когда христианство победило, оно истребило театр, а тяга к любованию страданиями держалась еще долго. Причем, вероятно, это такая специфическая эстетическая реакция, никак не иначе: у Элиаса ровно на одной странице помещено рассуждение о глазе, ставшем главным органом восприятия по мере становления новой культуры⁴⁸, и о несчастных кошках, которых зверски замучивали на потеху парижанам. Не говоря уже о том, что боль и истязания кого-то другого, которые ты можешь наблюдать на базарной площади в праздничный день, в любой момент могут быть причинены тебе самому: как преступнику или если нападет и победит враг (не говоря уж о болезни, хотя бы в виде зубной боли).

И тут, конечно, никак нельзя обойти молчанием некоторые произведения современно-

го искусства, тем более что речь уже шла про кошек и про Тараса Бульбу.

Патриотический блокбастер «Тарас Бульба» режиссера В. Бортко (2009) вызвал недоумение публики, в частности тем, как заботливо воспроизведены средневековые пытки, описывать которые в подробностях Гоголь отказался. Тут дело даже не в том, какое впечатление рассчитывали произвести на зрителя, а то, что нашлись же вот профессионалы, которые изучали вопрос в подробностях и продумывали, как это воплотить на экране и т. д. (Обращаю внимание, что, например, главу о пытках и казнях в «Дыбе и кнуте» дочитать до конца довольно сложно. Но самое глубокое впечатление на меня произвело то, что добросовестный историк Анисимов кое-что отказался описывать в подробностях и отослал любопытствующего читателя к роману Г. Сенкевича.)

Интересно, что там, где для современного ученого есть предел, для художника предела по какой-то причине нет, что мы видим не только на примере фильма про Тараса Бульбу, но и на примере мучения кошек. В свое время (в первую половину 90-х гг.) в Санкт-Петербург был привезен фильм современного финского художника, на котором было запечатлено произведение молодого человека: зверское замучивание чужого домашнего кота. Шуму в свое время было много; последними отголосками скандального события является, возможно, обсуждение этой истории героями романа С. Носова «Грачи улетели»⁴⁹, целиком и полностью посвященного проблемам современного искусства (к роману, за неимением под рукой других источников, в которых было бы описано данное событие, я и отсылаю любопытствующих).

Есть какая-то внутренняя связь между тем, что писатель Гоголь когда-то отказался описывать пытки и у профессионального историка сдали нервы, а современные художники настойчиво пытаются в подробностях показать их (пытки) современному зрителю и, следовательно, втянуть зрителя в какой-то загадочный процесс. Ведь болевой порог у нас заметно сместился: чтобы нас задеть, нам надо показать что-то (иной раз – просто рассказать). Во всяком случае, сегодня про «болевой порог» вспоминают, скорее, когда обсуждают журналистов, которые выбирают не те темы для обсуждения и проявляют при этом бестактность. Еще в 90-е гг. у А. Невзорова интересовались, не жалеет ли он, что легализовал на телеэкране сцены насилия и жестокости А он ответил: «Да, мы стерли в массовом сознании некую грань. И, возможно, если бы не это, страна не имела бы сейчас такой пре-

ступности... Но сердце у меня не содрогается. У меня низкий болевой порог»⁵⁰.

Таковы на сегодняшний день основные проблемы, связанные с изменением понимания человеком самого себя и собственной телесности.

Примечания

¹ Мишель Д. Ватель и рождение гастрономии: с прил. рецептов эпохи Людовика XIV / адпт. П. Рамбуром; пер. с фр. Г. Галкиной. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 303.

² Там же. С. 308–309.

³ Там же. С. 300–301.

⁴ Диттрич Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Мол. гвардия, 2007. 382 с.: ил.; Домоводство. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Сельхозгиз, 1960. С. 305.

⁵ Например, роман А. Казанцева «Купол надежды» (1980).

⁶ Покровский А. А. Беседы о питании. 3-е изд. М.: Экономика, 1986. С. 12.

⁷ Лопатников Л. 2000 год: прогноз без фантастики // Наука и жизнь. 1974. № 6. С. 127.

⁸ Тревельян Дж. М. Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушининой, К. Н. Татариновой; под ред. и с предисл. В. Ф. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 315.

⁹ Романов О. А. Институциональная адаптация посредством формирования питейной культуры в английских североамериканских колониях // Философский век: альманах. СПб.: С.-Петербург. центр истории идей, 2006. Вып. 31: Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 1 / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 315.

¹¹ Диттрич Т. Указ. соч. С. 323.

¹² В Северной Корее едят меньше, чем в Южной выбрасывают // Известия. 2002. 04 марта. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

¹³ Воскобойников Д. Потерянное десятилетие // Известия. 2009. 28 дек. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

¹⁴ Аронов А. Почему свалки забыты едой: мы отправляем на помойку продукты на триллионы долларов // Известия. 2008. 12 мая. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

¹⁵ Диттрич Т. Указ. соч. С. 75.

¹⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенет. исслед. М.; СПб: Универ. кн., 2001. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. С. 206.

¹⁷ Там же. С. 200–202.

¹⁸ Александр Ф., де л'Онуа Б. Королева Виктория. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 202.

¹⁹ Диттрич Т. Указ. соч. С. 351–352.

²⁰ Там же. С. 378.

²¹ Струа М. Туалет или смерть? // Известия. 2006. 07 дек. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

²² Пищикова Е. Связанные одной сетью, канализационной // Новая газ. 2011. 13 сент., № 101. URL: <http://pochaugazeta.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

²³ Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX в. М.: Аграф, 2001. С. 471.

²⁴ Венедиктова В. И. Деловая репутация: личность, культура, этика, имидж делового человека. М.: Ин-т новой экономики, 1996. С. 191.

²⁵ Липовецкий Ж. Третья женщина: незыблемость и потрясение основ женственности: пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2003. С. 201–202.

²⁶ Там же. С. 196. См. также резкую критику современных программ приведения себя «в форму» после родов: Рассмежина С. Не знали наши папы... // Metro. 2014. 30 мая. URL: <http://metronews.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

²⁷ Соколов-Митрич Д. Нулевая женщина // Известия. 2011. 1 марта. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

²⁸ «Забудьте о „многоступенчатых“ комплексах ухода за кожей и берите с собой что-нибудь попроще... <...> Отдайте предпочтение многоцелевым средствам и пробникам. Захватите в дорогу зеркальце – вы сможете посмотреть на себя при дневном свете, а не только при нелестном люминесцентном освещении. „К тому же, – добавляет знаменитый художник по макияжу Кей Монтано, – оно поможет избежать очереди в туалет – ведь вы сумеете подправить прическу и макияж где угодно“. За несколько недель перед поездкой проводите процедуру отшелушивания каждые три дня. <...> Ваша кожа не будет так сильно пересыхать под действием кондиционированного воздуха самолета. <...> Вы почувствуете себя лучше, если на время перелета снимете макияж. <...> Если вам кажется, что совсем без косметики лицо выглядит плохо, воспользуйтесь автозагаром. <...> И обязательно защитите себя от обезвоживания регулярным нанесением увлажняющего спрея для чувствительной кожи. <...> Непременно возьмите с собой средства ароматерапии для массажа затекших мышц. <...> Чтобы лодыжки не отекали, воспользуйтесь спреем <...>, содержащим гаммелис и камфару, – он отлично снимает усталость ног. <...> Чтобы ваши волосы не выглядели тусклыми к концу поездки, откажитесь от укладочных гелей в пользу спреев. <...> в конце путешествия сбрызните корни сухим шампунем – волосы станут пышными, будто их только что помыли.

<...> Возьмите в дорогу ополаскиватель для рта. <...> Нанесите средство для ухода за кожей вокруг глаз. <...> Затем воспользуйтесь маскирующим карандашом, который уберет следы усталости. Румяна легкого розового оттенка моментально придадут лицу свежести». (Добро пожаловать в первый класс // Marie Clair. 2006. Июль. С. 155–158).

²⁹ Аверинцев С. Другой Рим: избр. ст. СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2005. С. 30.

³⁰ Там же. С. 27–28.

³¹ Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. С. 108–109.

³² Элиас Н. Указ. соч. С. 271–285.

³³ Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. Т. 2. С. 83.

³⁴ Там же. С. 162–163.

³⁵ Элиас Н. Указ. соч. С. 283–284.

³⁶ Эко У. Имя розы: роман / пер. с итал. Е. А. Костюкович. Минск: Сказ, 1993. С. 61.

³⁷ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: полит. сыск и рус. о-во в XVIII в. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 432–433.

³⁸ Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1899. С. 56. Цит по: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 433.

³⁹ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 434–435.

⁴⁰ Там же. С. 409.

⁴¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: история тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 7–11.

⁴² Митфорд Н. Франция: придворная жизнь в эпоху абсолютизма. Смоленск: Русич, 2003. С. 507–508.

⁴³ Птифис Ж.-К. Людовик XIV: слава и испытания / пер. с фр. И. А. Египти. СПб.: Евразия, 2008. С. 114.

⁴⁴ Митфорд Н. Указ. соч. С. 152.

⁴⁵ Птифис Ж.-К. Указ. соч. С. 252–253.

⁴⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения: в 2 т. / сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 442.

⁴⁷ Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 110.

⁴⁸ Элиас Н. О Указ. соч. С. 283.

⁴⁹ Носов С. Грачи улетели. СПб.; М.: Лимбус-пресс, 2005. С. 57–58.

⁵⁰ Муратов С. ТВ – эволюция нетерпимости: история и конфликты этич. представлений. М., 2000. 241 с. // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. URL: <http://gumer.info> (дата обращения: 18.09.2014).